

103560

59244

Всеросс. Совет
ПРОЛЕТКУЛЬТА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. Богданов.

ЭЛЕМЕНТЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В РАЗВИТИИ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Лекции, прочитанные в Московском Пролеткульте весной 1919 г.

Государственное Издательство.

МОСКВА—1920 г.

Цена 20 руб.

Никем из книгопродавцев
указанная на книге цена не
может быть повышена.

Государственное Издательство.

Имеются в продаже:

- А. Богданов. Искусство и рабочий класс. Цена 1 руб.
А. Богданов. Социализм науки. Цена 1 р. 25 к.
А. Богданов. Элементы пролетарской культуры в ра-
бочего класса. Цена 20 р.
А. Луначарский. Диалог об искусстве. Цена 2 р.
Пролетарская Культура. Сборник. Журналы с №
Цена 35 р.
Протоколы Первой Всеросс. Конф. Пролеткульта, п
дакцией П. Лебедева-Полянского.

V.N. Karazin Kharkiv National University

26655
" 656
30591
8458
92862

Українська Книжкова Палата Харків.
Картковий реєстрар видань УСРР

№ 1. 24 с., іл. 30,5 см. 5.500 пр.

Знання. Двохтижневий ілюстрований науково-популярний журнал. Голов. редактор—А. Т. Лиходько.
— Харків, Держ. вид-во України. 1929 (Рік вид. 7-й).
«Передплата з додатками: 1 рік—7 крб. 50 коп., 6 міс.—5 крб. 70 коп.; без додатків: 1 рік—4 крб. 90 коп., 6 міс.—2 крб. 50 коп., 3 міс.—1 крб. 30 коп., 1 міс.—45 коп.
Ред. і к-па: Московські яри, 11, Периодектор ДВУ.

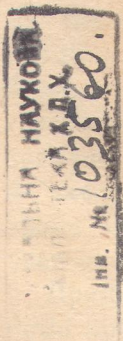
Всеросс. Совет
ПРОЛЕТКУЛЬТА

25
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. Богданов.

Элементы пролетарской культуры в развитии ра- бочего класса.

Лекции, прочитанные в Московском Пролеткульте
весною 1919 года.

2-15

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920 г.

ИСКЛЮЧЕНО

474

31

~~из книг
Степана Саввича
Кувцова~~

I. Пробразы новейшего пролетариата.

Выражение „пролетарская культура“ обозначает именно ту культуру, которую вырабатывает новейший пролетариат—индустриальный. Индустриальный пролетариат—порождение капитализма, но и при других, прежних общественных организациях пролетариат существовал. Он был иной в иных условиях; но нам полезно видеть его судьбу, его культурное творчество, полезно для того, чтобы глубже понять судьбу культурного творчества новейшего пролетариата.

Пролетарий—это человек, лишенный всякой собственности. Он противоположен собственнику. Пролетариат существовал в древнем мире—античном, греко-римском мире. Слово „пролетарий“ там и возникло, но применялось оно к пролетариату паразитическому. Разорившиеся крестьяне ремесленники, иногда и рабовладельцы, не превращались в трудовой пролетариат, а поступали на содержание государства, или жили частной благотворительностью. Это, следовательно, был пролетариат не трудовой, „люмпен-пролетариат“ или „босяцкий“, как его теперь называют,—паразитический, но граждански-свободный; в последнем он сходен с новейшими пролетариями: они тоже не только не собственники, но и свободные. В античном мире был и пролетариат трудовой, только он иначе назывался—это были рабы. Они, конечно, были лишены всякой собственности,—даже и собой не располагали, своей рабочей силой, т.-е. своим телом. Но кроме этого они были несвободные люди, что их и отличает от новейшего пролетариата.

Принято не считать рабов пролетариями, потому что в Риме пролетариями назывались только люди лично свободные. Но в вопросе о классах, об их культурном творчестве

основой должна быть чисто экономическая характеристика, а свобода, как гражданская, политическая форма, здесь решающего значения не имеет. Мы скажем: раб не свободен, но и пролетарий новейшего времени свободен только формально, а не по существу. Нам надо прежде всего установить экономический тип, и мы должны сказать, что рабы—это именно тот самый класс, который соответствует пролетариату. Раб был не свободен и формально, современный пролетарий не свободен материально. Современный пролетариат принужден буржуазному обществу отдавать свою работу. Он принужден, значит, он не свободен. Пролетариат—класс противоположный собственникам; это определение гораздо точнее; и рабы, конечно, не были собственниками.

Итак, если мы сопоставим пролетариат античного мира с новейшим, получится вот что. Новейший—это трудовые пролетарии, лично свободные; античный пролетариат трудовой—рабы, несвободные, а свободный пролетариат—нетрудовой: два полюса; такова была там картина. Все же, при очень большом различии этих двух частей пролетариата, мы имеем все основания их связывать, потому что как раз в культурном творчестве они создали нечто сообща, вместе; но и различие их надо иметь в виду: оно тоже отразилось в их культурном творчестве. Это, как видим, было прежде всего различие политического положения. Каждый класс отстаивает свои экономические интересы политической борьбой; но там было не так. Трудовые пролетарии, рабы, были поневоле вне политики, потому что им никто не позволял политикой заниматься; это была вынужденная аполитичность. А паразитический пролетариат был политической силой, но наемною политической силой. Они как экономически были паразитами, так и в политике продавали свои голоса, и также были паразитами. Они, за подачки помогали разным императорам всходить на троны, помогали их низвержению, и т. д., словом, торговали своей численностью, своим политическим влиянием. Что касается рабов, то как будто есть указание на то, что и они политикой начинали заниматься—это восстания рабов: спартаковское восстание 70-ти тыс. рабов гладиаторов; восстание сицилийских земледельческих рабов, которые работали при ужасных условиях на плантациях крупных землевладельцев,—

они работали там большей частью скованными попарно. Но это не были политические движения, это были просто взрывы ненависти и отчаяния измученных людей. Еще в спартаковском восстании, пожалуй, были элементы политики, потому что гладиаторы еще до известной степени помнили себя свободными людьми: это большей частью были пленники; и у них, значит, могло быть сознательное стремление возвратиться к свободному состоянию. Но о сицилийских рабах и этого сказать нельзя: тут был именно только стихийный взрыв, который не имел последствий, и никакого политического творчества не представлял.

Итак: в политическом смысле, творчества ни тот, ни другой пролетариат не проявил. Восстания рабов не создали ничего политически, и были просто стихийными порывами угнетенных; а политическая деятельность так называемых пролетариев, т. е. пролетариев-паразитов, творчества не представляла, потому что это был класс продажный. Но в области культуры они творчество проявили и надо признать, огромное,—как это ни странно с первого взгляда. В эпоху падения античного мира, когда разрушался рабовладельческий строй, именно тогда они себя проявили, тут они создали некоторую идейную систему и некоторую культурную организацию.

Но теперь рассмотрим, что это могло быть за творчество, какое оно должно было быть по социальному положению этих классов. Вы знаете, что культурное творчество зависит от объективного положения класса, от его основных жизненных условий. Каковы же были эти условия, и каково их культурное влияние?

Культура античного мира, как известно, в основе была авторитарная, основанная на „авторитете“, на власти—подчинении ¹⁾. Могли ли рабы и паразитический пролетариат

¹⁾ Авторитарное сотрудничество—это разделение труда между организатором или руководителем и исполнителями или подчиненными. Авторитарное мышление—это представление по такому образцу отношений жизни человеческой, жизни в природе, и вообще мирового процесса; например, понятия о „душе“ и „теле“, как властном распорядителе и пассивном исполнителе, о „богах“, как организаторах мира, о знании, как откровении этих организаторов, о нравственности, как их ведении, о смирении, покорности, верности властям, как высших добродетелях, и

отрешиться от этого строя жизни, а следовательно, и такого же строя мысли? О рабах и говорить нечего: условия, в которых они жили, были наиболее авторитарные, какие возможны — самая крайняя степень подчинения. Значит, мышление рабов не могло быть иным, как авторитарным, — и таков необходимо был дух культурного их строительства. А тогдашний люмпен-пролетариат? Ведь он как будто бы жил свободным, не подчиненным, и сам, в свою очередь ни над кем не властвовал? Но надо принять во внимание, что разорившиеся землевладельцы-крестьяне и разорившиеся ремесленники, из которых рекрутировался пролетариат, раньше в своем хозяйстве были властителями, — а в те времена строй семьи и строй хозяйства были строго авторитарными (как оно и сейчас в мелко-буржуазной семье). У них были авторитарные навыки с того времени, как у них было свое хозяйство. Кроме того, производительной работой они не занимались, а политикой занимались, — но политика, которую они вели в конце древнего мира, была политикой императоров, империи, гигантской авторитарной организации, в которой и за счет которой они жили. Значит, мог ли паразитический пролетариат отрешиться, или стать выше авторитарных элементов культуры, когда у него и в прошлом и в настоящем были такие условия? Очевидно, тоже нет. Следовательно, вообще, то, что создали вместе трудовой и нетрудовой пролетариат античного мира, должно быть авторитарной системой.

Другой, более высокий и позже выступающий тип культуры, — это индивидуалистический. Индивидуализм отличается тем, что он ставит в центре личность ²⁾.

т. п. Все религии — продукт авторитарного мышления. Его более подробные характеристики — см. „Новый мир“, „Наука об общественном сознании“, „Из психологии общества“ (ст. „Авторитарное мышление“); вместе с экономическим анализом его основ — см. I т. „Политической экономии“ А. Богданова и И. Сеганова, глава об авторитарных системах.

²⁾ Индивидуализм — такой способ мышления, который противопоставляет личность другим людям и всему миру, видит в ней самостоятельного, творческого деятеля практики и субъекта всякого познания, ставит идеалом ее свободное развитие. Индивидуализм возникает на основе товарно-менового разделения труда, при котором во главе каждого хозяйства стоит частный собственник, формально независимый в своей производственной деятельности, и вступающий в общение с другими такими же

У рабов мог ли развиваться индивидуализм? Они были настолько угнетены, всякие проявления личности у них настолько подавлены, что индивидуализма не могло быть. А у люмпен-пролетариата, у хулиганов, если можно так выразиться, потому что они больше всего подходят к типу босяков, хулиганов и т. п.? У босяцкого пролетариата, паразитического, индивидуализм мог быть. Дело в том, что над ними гнет власти был небольшой. Политически, они продавали голоса и сами имели влияние, а экономически, когда случайно работали, то по чужим приказаниям — но работали мало, а просто жили как паразиты. Их личность не была подавлена, индивидуализм неизбежно был при таких условиях, но как только что указано, — при наличии значительных авторитарных привычек. Индивидуализм был поэтому далеко не столь сильный, не столь определенный, как у каких-нибудь буржуазных классов.

Они были раньше мелкими ремесленниками, мелкими крестьянами. А мелкий ремесленник, мелкий крестьянин, частный собственник — неизбежно индивидуалист; но только в буржуазных условиях, при сильном участии этих элементов в товарном обмене и конкуренции, эта тенденция развивается вполне. Итак, ясно выраженный индивидуализм можно было найти тогда только в одной части пролетариата, в паразитической, и все же не как господствующую, а как более подчиненную силу.

Значит, мы видим уже там два элемента; авторитарный элемент должен был быть очень сильным, а индивидуалистический — гораздо слабее.

Затем, пролетариат, это люди, лишенные собственности; а как люди лишенные собственности относятся к собственности, как смотрят на нее, если к тому же нет и надежды получить ее? Они тогда стоят за частную собственность или нет? Нет. Они коммунисты. Пролетарии вообще тяготеют к коммунизму. Значит, мы должны пред-

хозяйевами-собственниками на рынке; там их производственная связь принимает форму конкуренции, борьбы всех против всех за цены и сбыт, и личность практически противопоставляется другим личностям, всему обществу, отстаивая против них свои частные интересы.

Экономический и культурный анализ индивидуализма дан в тех же работах, которые указаны предыдущим примечанием.

положить и заранее принять, что та культура, которую создавали сообща рабы и пролетарии, должна была быть коммунистической. Так оно и было. Но какой именно это был коммунизм? Коммунизм может быть двоякий: в распределении труда и в распределении продукта. Коммунизм труда или „коллективизм“ состоит в том, чтобы сообща, коллективно, организовать труд, а в зависимости от этого и другое, т.е. распределение продукта, его потребление; а второй тип, так называемый „коммунизм потребления“, сводится к тому, чтобы взять то, что налицо имеется, и сообща поделить, или же потреблять за общими столами; так или иначе, тут основное и главное заключается в распределении наличных средств потребления. Итак, могли ли коммунизм люмпен-пролетариата и рабов быть коллективизмом труда? Рабы свой труд любили? Нет. Они к нему относились в высшей степени враждебно, потому что это был труд принудительный, каторжный, и то, что теперь называется каторгой, это остатки того рабства. Каторжник, конечно, совершенно чужд мысли об организации труда; следовательно, рабы, которые были пожизненными каторжниками, в своем революционном творчестве не могли быть трудовыми коммунистами, потому что труд им был ненавистен. Значит, у них мог быть только коммунизм потребительный. А у паразитического, нетрудового пролетариата какой мог быть коммунизм? Очевидно, тоже потребительный. Значит, и у рабов, и у люмпен-пролетариата мог быть коммунизм только потребительный, и он был. Таким образом, и их культура была коммунистическою в этом смысле; потребительно-коммунистическою.

Если она не трудовая, то можно ли представить, чтобы ее отношение к жизни было активное, боевое, даже вообще практическое? Нет, когда дело сводится к такому коммунизму, чисто потребительскому, когда один класс ненавидит труд, а другой трудом не занимается, то их культура не может быть активной, проникнутой духом труда и борьбы, — она неизбежно пропитана пассивностью. Идеи творчества в ней неоткуда было взяться, реально-боевых настроений она была чужда. А что чуждо им, то проникнуто духом непротivления. Итак, культура эта создала свой социальный идеал коммунизма, и коммунизма потребительного, но раз она

была проникнута пассивностью, непротивлением, то каким путем ее творцы хотели этого идеала достигнуть? Активной борьбой с господствующими классами? Очевидно, нет. Это был, таким образом, идеал с характером мечты: они могли только мечтать, верить, что кто-то осуществит их идеал, он был оторванный от действительности, от живой практики, идеал—мечта.

Что же представляет все это вместе? Что это была за культура, в которой была основная авторитарная идея и вообще масса авторитарных элементов, были также, но в гораздо меньшем количестве, на втором плане, элементы индивидуализма, был потребительно коммунистический идеал, от действительности оторванный, культура, вся проникнутая духом пассивности, непротивления? Это система *христианства*. Если вы внимательно рассмотрите христианство, вы все это в нем найдете. Найдете в христианстве построение мира строго авторитарное: бог сотворил мир, все ему подчиняется; нравственное учение насквозь проникнуто духом подчинения,—рабы да повинуются господам, всякая душа властям предержащим да повинуется. Но есть там и индивидуализм. Какая цель каждому отдельному человеку ставится в христианстве? Личное спасение. Элемент индивидуализма есть, но в подчинении авторитарному. Душу спасти — значит соединиться с богом, быть ему угодным. Цель-то поставлена индивидуалистическая—спасение души,—но в подчинении авторитету: она и достигается только по указанию божью, с помощью божией. Коммунизм также в христианстве был: оно являлось первоначально коммунистической сектой. То, что называется причастием, есть воспоминание об общих трапезах. Организовались эти пролетарии, собирали пожертвования и устраивали общий стол; это и было причастие. Они там ели хлеб и пили вино; и, так как все облекалось в религиозную форму, то говорили: этот хлеб и вино мы потребляем сообща, и это делает нас участниками божества. Потом эта простая мысль у богословов всячески осложнялась, но сущность ее именно такова. Отношение к действительности было пассивное; пассивизм крайний; идеи творчества, борьбы отсутствовали. Дух непротивления—это и есть дух христианства. Идеал-мечта—это царство небесное: идеал, оторванный от действительности,

и подлежащий осуществлению не силою людей, но волею и властью божества.

Таково было христианство. Оно являлось одновременно и культурой и организацией, колоссальной организацией и могучей культурой, завоевавшей мир. Это было великим результатом творчества массового, стихийного, потому что громадный был люмпен-пролетариат в античном мире и громадный класс рабов; а жизнь была так тяжела, что вызвала в массах напряженные искания. Все рушилось, все падало, не видно было выхода. Рождались бесчисленные попытки, одни за другими; и вот они разрешились в великом учении христианства. Христианство развилось в громадную организацию культурную, а вначале главным образом экономическую. Это были именно потребительские коммуны.

Такой взгляд на христианство не всеми разделяется. Например, Каутский полагает, что христианство было именно религией люмпен-пролетариата, и только его. Он упустил из виду, что рабы были тоже пролетариат, даже в большей степени. И вполне возможно доказать участие рабов в творчестве христианской культуры. Прежде всего надо обратить внимание на ее резко-авторитарный, рабски-авторитарный характер, а люмпен-пролетариат все-таки был свободный. Затем, люмпен-пролетариат, ведь, это — босяки; они сами по себе разве склонны к организации? Это наиболее анархичные слои общества. Создать громадную организацию, охватившую весь античный мир, людям, не участвующим в труде и не имеющим дисциплины, продажному политическому скоту, т. е. „скоту для голосования“, — это вещь совершенно невероятная. Несомненно, что в организации христианства принимали громадное участие люди дисциплинированные жизнью, хотя бы насильно дисциплинированные; а таковыми были рабы. Христианская дисциплина — несомненный факт. Христианская сплоченность — несомненный факт. Люмпен-пролетариат сам по себе к этому неспособен. Затем, христианство — секта, проникнутая духом непротivления — не только в смысле пассивности: она идеологически проникнута духом любви; самое непротivление она выводит из любви. Любовь, мягкость, отвращение к насилию. Ну, а вы знаете, люмпен-пролетариат античного мира, и вообще босяки всех времен

к насилию относятся отрицательно? Нет, это им не свойственно. Более того, римский пролетариат требовал хлеба и зрелищ. А зрелища тогда были в первую очередь — гладиаторские игры и публичные казни, убийства, кровь. Так могли люмпен-пролетариат создать сам по себе, он один, религию, проникнутую духом любви, духом отвращения к насилию? Конечно, такую религию должны были создать люди пассивные, бесконечно страдающие, для которых насилие было причиной страданий, и удовольствия не могло доставлять. Всем этим большое участие рабов вполне доказывается. Есть и прямые свидетельства современников о том, что христианство было „религией рабов“, что среди них оно особенно распространялось. В общем, эта великая культура, конечно, была созданием пролетариата, но пролетариата не только паразитического, а также и трудового, скрытого под именем рабов ¹⁾.

Но почему два разных класса, так сильно, как будто, расходящиеся, могли создать общую культуру? Это вот почему. Отдельные культуры создают те классы, которые находятся в борьбе. Если между классами борьбы нет, но они соприкасаются, то они могут творить сообща. Только борьба разъединяет культуру. У рабов и люмпен-пролетариата борьбы быть не могло, потому что рабовладельцами тогда были не пролетарии, да рабы никакой борьбы и не вели. Соприкасались же они в жизни значительно, и благодаря пополнению пролетариата из отпущенных рабов, и благодаря случайному, нерегулярному, но все же нередко применению пролетариев другими классами для трудовых услуг, и благодаря хотя неравному, но вообще униженному положению тех и других. В этих условиях вполне возможно и даже неизбежно было общее культурное творчество.

Итак, рабы и пролетарии совместно создали христианскую культурную организацию. Создавалась она, без сомнения, почти стихийно; рабы внесли в нее очень многое: свою невольную организованность, свою авторитарно-бытовую заби-

¹⁾ В односторонности Каутского сказалась, повидимому, власть слов над сознанием. Коммунистическую секту, конечно, должны были создавать пролетарии; но рабов этим словом не обозначали, следуя древнему словупотреблению. А между тем производственно рабы ближе к нынешним пролетариям, чем тогдашние «пролетарии».

тость, свой дух непротивления и отвращения к жестокости, к насилию. Но творцами-идеологами должны были явиться в наибольшей степени пролетарии, люди вольные, менее угнетенные, духовно не столь обессиленные жизнью; было не мало идеологов и из других классов, из людей, увлеченных новой культурной силой. Христос, если он существовал, был несомненно пролетарием. В Иудее было тогда вообще много пролетариев благодаря сильному разорению этой провинции. Также и апостолы были люди свободные, но лишенные собственности и коммунисты. Деяния апостолов—это история первых христианских коммун, записанная кем-то позже, и, понятно, заключающая много фантастического.

Ну, а потом что стало с этой христианской культурой? Потом оказалось, что эту культуру использовали в другие эпохи другие общественные классы. Античный мир развалился, разрушился, на его месте возник мир феодальный, с культурой авторитарной. Что же, этот феодальный мир отбросил христианство? Нет, он им воспользовался. Как он им воспользовался? Он его приспособил, взял из него то, что ему подходило. А так как феодальный мир построен авторитарно, то, следовательно, он взял из христианства его авторитарные элементы, особенно дух подчинения он взял для подчиненных классов, дух непротивления, дух смирения. Коммунизм, конечно, был отброшен. Но насколько феодальному миру свойственны некоторые элементы коммунизма — поддержка нищих, голодных и т. д., это в христианстве осталось. Филантропию феодального мира взяла на себя именно христианская церковь. Вообще, поскольку феодальный мир взял эту культуру, он ее для себя специально приспособил: организацию церкви он сделал организацией своих жрецов, а культурные элементы усвоил только те, которые ему достаточно соответствовали, которые могли реально организовать его жизнь. Создалось, очевидно, совершенно другое христианство—новое: феодалы—не пролетариат, крестьяне—не пролетариат, но христианство сделалось их общей объединяющей культурной организацией.

Затем, когда возник буржуазный мир, то работа его мысли вначале тоже взяла христианство за основу; но она

взяла в христианстве другое. Буржуазному миру свойственен индивидуализм, свойственно ставить на центральном месте личность с ее интересами, задачами и стремлениями. Именно такой дух выступает в ересь конца Средних веков и начала Нового времени. Эти ереси — зарождение буржуазной культуры. Они направляли внимание на те элементы христианства, в которых заключался индивидуализм, на те элементы христианства, в которых была тенденция к признанию личности и свободы. Буржуазному миру свобода была нужна, и еретики стояли за свободу личности, в религиозной форме понимаемую, как свободу совести. Те из еретиков, которых особенно преследовали, — а преследование всегда рождает сплоченность, — те особенно выдвигали элементы любви, коммунизма; но в общем еретики, — первые провозвестники буржуазного мира, — из христианства брали всего больше именно индивидуалистические элементы. Затем впоследствии реформация, идеология уже более высокой ступени развития буржуазного мира, это — продолжение ересей. Она определенно взяла в христианстве и подчеркнула все, что касается личности, личного спасения, чтобы личность поставить в центре религиозного мышления. Так как христианское учение уже имело ряд разветвлений, то дело шло о том, как его истолковать. Реформация говорила, что личность сама имеет право его истолковывать и по своему спасаться — свобода совести. Тут еще сильнее была подчеркнута идея свободы в христианстве; крайние же секты, не столько буржуазные, сколько полу-пролетарские, подчеркивали еще больше идею равенства и элементы коммунизма.

Когда стал зарождаться пролетариат настоящий, трудовой, индустриальный, то и он начал во многих местах с того, что использовал элементы христианства. Так, в Англии был христианский социализм, был и в других странах. В Англии христианский социализм был сильно близок к пролетарскому; но он из христианского учения всецело брал идеи свободы, братства и равенства, элементы индивидуализма и особенно коммунизма. Оттуда же брал идеи сенсимонизма, а также и некоторые другие чистые утопии.

Так используется вообще культура прошлого: новый класс приходит, находит ее готовую, и не отбрасывает ее, а берет из нее то, что ему подходит, и этим пользуется. Это для

нас очень важно: так действовать должен и пролетариат по отношению к культурам прошлого.

Другой прообраз новейшего пролетариата—это ремесленные ученики и подмастерья средне-вековых городов. Там, как известно, господствовал ремесленно-цеховой строй. Свободные ремесленники, объединенные в цехи, вели каждый свое хозяйство. Ремесленнику помогали члены его семьи, а кроме того ученики и подмастерья. Ученики, как показывает само название, только готовились, только изучали производство; подмастерья были, собственно, уже работники, умеющие производить, более или менее обученные, но не имеющие самостоятельного предприятия, своей мастерской. Это, следовательно, были не собственники, а, значит, пролетарии; они с новейшим пролетариатом сходны и тем, что были свободными людьми. Однако в класс, подобный пролетариату, они с самого начала не стали складываться, классовой организации долго не создавали. Почему? Пока ремесло процветало, не было почвы для того, чтобы подмастерья стали отдельным классом. Пока ремесло процветало, каждый ученик и каждый подмастерье рассчитывал и имел право рассчитывать стать в свое время мастером. Ученик получал от хозяина более или менее достаточное содержание, а подмастерье, кроме содержания получал еще некоторое количество денег, которые он мог накапливать, чтобы потом устроить свою мастерскую. Значит, по своим целям они были такие же ремесленники, и задача их была в том, чтобы пройти в мастера; это были мастера в будущем. Какой же они могли тогда образовать отдельный класс?

Но процветание ремесла с течением времени кончилось. Пришел торговый капитал, т. е., купец-скупщик и ростовщик; они стали подчинять и разорять ремесленников. Конкуренция мастеров стала быстро усиливаться, их положение делалось все более тяжелым. Тогда, во-первых, мастера стали прижимать учеников и подмастерьев по необходимости, начали ухудшать и сокращать их содержание, уменьшать плату подмастерьям; с другой стороны, они начали ставить всякие препятствия к переходу подмастерьев в мастера, употреблять все усилия, чтобы мастерами становились только их же дети, а подмастерья так навсегда и оставались подмастерьями. И вот,

благодаря такому ухудшенному положению, получилось то, что огромное большинство учеников и подмастерьев потеряли фактическую возможность и даже надежду стать потом мастерами. а в то же время испытывали гнет со стороны мастеров. Тогда подмастерья почувствовали себя отдельным классом, они стали организоваться, они стали вести борьбу, классовую борьбу против мастеров, против хозяев. Образовались союзы подмастерьев. Эти союзы были объединениями и экономическими, и в некотором роде — политическими, так как они отстаивали свою заработную плату и отстаивали свои права.

Союзы подмастерьев росли, они охватывали не только данный город, они развивались в союзы межгородские, и даже более, — отчасти они развивались в союзы международные. Организация в этом смысле достигала размеров интернациональных. Но это объединение было ограниченным в одном отношении. Даже если оно было международным, то оно охватывало только одно ремесло, оно не выходило за пределы отдельного ремесла. Тут сказалась сила специализации. Подмастерья боролись с мастерами только своего цеха, и были связаны с подмастерьями только своего цеха. Значит, их союзы, даже международные, были, так сказать, узко-профессиональными, цеховыми, удерживались тоже в цеховых рамках. Вот это огромное ограничение отличает их от союзов новейшего пролетариата. Эти союзы были по форме религиозными: братства под покровительством какого-нибудь святого. В таких же религиозных формах, надо заметить, складывались и цехи: союзы подмастерий в этом смысле были копией цехов. Что касается способов борьбы, то в этом наблюдается большое сходство с новейшими рабочими союзами: применялись стачки, бойкот, широкая взаимная поддержка.

И вот еще большая разница. Могла ли эта борьба привести к реальной победе подмастерьев? С кем они боролись? С мастерами. А кто в действительности был причиной их угнетенного положения? Нараставший капитализм. Значит, они боролись не с тем, кто их угнетал: но невозможно было иначе. Поэтому дело их было безнадежное. Хотя на первых порах были и некоторые успехи, но это — пока было что взять у мастеров; а потом положение стало ухудшаться и

ухудшаться. Организации стали приходить в упадок, и культурного творчества, сколько-нибудь значительного, проявить не успели.

Таков был другой прообраз промышленного пролетариата, и такова его историческая судьба.

II. Зарождение новейшего пролетариата.

Новейший пролетариат возник в начале так называемого Нового времени, в эпоху крайнего развития крепостного права, склонявшегося уже к упадку, и в эпоху развития торгового капитала. В разных странах Европы это было в разное время; но в общем в века от XV до XVII и XVIII. В странах более отсталых это было позже. И сейчас еще некоторые страны не вполне вышли из средневековья, и сейчас там образуется пролетариат такими способами, какими он в Европе создавался в эти века. Например, так обстоит дело в Китае, в Персии.

Как же образовался этот новый пролетариат? Путем разорения массы мелких собственников-производителей, т. е. крестьян, ремесленников, кустарей, путем утраты ими своего самостоятельного хозяйства. Как это произошло, какие силы это вызвали? Да вот именно эти две силы, которые только что упомянуты—сила крепостного права, и еще больше и значительнее—сила торгового капитала. Крепостное право в своем развитии превращалось в крайний гнет и крайнее разорение. Помещик, приближаясь все более к типу чистого паразита, не заботился, не хотел, пожалуй, не умел даже заботиться о поддержании крестьянского хозяйства, а выжимал из него все, что возможно. Крестьянское хозяйство падало, крестьяне разорялись, а те, которые не успели разориться, часто бежали от своего хозяйства, не вынося чрезмерного гнета. То же самое относится, конечно, к деревенским кустарям. Это те же крестьяне, занимавшиеся, кроме земледелия, ремеслом. Кроме того, в деревню проник торговый капитал, в виде купца ростовщика, большею частью местного же кулака. И этот капитал еще усиливал разорение, прибавляя к гнету помещиков и их эксплуатации свой гнет, свою эксплуатацию. Этим путем из деревни вы-

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА

БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.

ІНВ. № 103560

брасывалась масса элементов из бывших мелких собственников, самостоятельных производителей. Они шли себе искать другого места на свете. В городах же торговый капитал, как мы видели, уже разорял ремесленников; разорившиеся мастера и не находившие благодаря этому места подмастерья и ученики также превращались в пролетариат; словом, весь состав ремесленного производства, под гнетом торгового капитала, мало-по-малу выделял из себя множество пролетариев.

В общем, новый пролетариат получился путем „деклассации“. Деклассация заключается в том, что люди теряют свой класс; а так как класс определяется положением в производстве, то, следовательно, люди теряют свое положение в производстве, и через него свое положение в обществе. Итак, пролетариат возникал путем деклассации мелких собственников: они утрачивали свою мелкую собственность, землю, мастерские, они утрачивали свою роль в производстве и превращались в пролетариев. Тогда им оставалось одно: идти куда глаза глядят, и искать нового места на свете; следовательно, это был пролетариат бродячий, „люмпен-пролетариат“, как его называют: паразитический пролетариат босяков.

Где же они находили себе места? Где придется. Они поступали прислугой к разным представителям господствующих классов, они нанимались работниками на фермах, там, где уже развивалось новое, капиталистическое земледелие, они нанимались в торговые предприятия, поступали на корабли матросами. Они нанимались также в мануфактуры, нарождавшиеся промышленно-капиталистические предприятия. Иные вербовались в армии, иные просто образовывали особые банды, иногда разбойничьего, иногда полувоенного характера. Русское, например, окраинное казачество было в значительной степени такого происхождения. У них были самые различные способы добывания средств к жизни, и весьма неустойчивые. Прислуга, в общем, находилась на положении домашних рабов; но так как они лично не были связаны, то могли, в случае крайности, уходить. Работники на фермах, в мануфактурных предприятиях, находились, в сущности, на положении прислуги. Тогда еще не различали личного услужения и экономически-производ-

ственной деятельности; то же самое в торговых предприятиях;—вообще, положение рабочих в эту эпоху соответствовало положению прислуги. На кораблях, в армиях, там, конечно, господствовал иной строй, но положение также было неустойчивое: они продавались лишь на известный срок в матросы и в солдаты.

Итак, способы существования были разнообразны и неустойчивы. При этих условиях можно ли ожидать энергичной производительной работы, где бы они ни работали, хотя бы и в промышленных предприятиях того времени—в мануфактурах? Конечно, этого быть не могло. Можно заранее сказать, что производительность труда, и особенно, его напряженность была очень незначительная. Не было и большого уменья в огромном большинстве случаев, той массы уменья, накопленного опыта, которая характеризует развитой рабочий класс; потому что перед этим они были, например, крестьянами, а теперь должны были выполнять совсем другую работу. Не было и способности энергично работать, потому что это были люди измученные жизнью, выбитые из своей колеи. Соответственно этому, у них были и очень низкие потребности. Об этом мы можем судить по нынешним босякам. Как они существуют? какие у них потребности? Только кое-как прокормиться и иметь лохмотья, чтобы одеться. Когда позволяет климат, даже жилища им не требовалось.—Итак, низкая производительность труда, низкая его напряженность и низкий уровень потребностей.

Затем,—рабочее время, обыкновенно, мало продолжительное. Конечно, если пролетарий нанимается в прислугу, он должен, пока состоит прислугой, отдавать очень много своего времени; но тогда положение это бывало, большей частью, неустойчивое. Вообще же всюду, благодаря низким потребностям и такому неопределенному экономическому положению, они избегали продолжительного рабочего дня. И так как низкие потребности позволяли им уходить и жить долгое время почти без заработка в бродячем быту, то в общем им это и удавалось. А если им приходилось подолгу работать, то они вознаграждали себя долгой безработицей, так что общая сумма работы оставалась очень мала. Поработает он несколько времени, 5, допустим, 6 дней, а потом получит заработанное, и некоторое время гуляет. К этому

присоединялась традиция прошлого. В Средние века рабочий день вообще не был продолжителен; например, у подмастерьев он не мог быть продолжительнее, как от восхода и до заката солнца, при чем было два праздника в неделю—воскресенье и понедельник. Так что и традиции были связаны с неособенно продолжительным рабочим днем, и удлинить его было трудно: бродячие пролетарии не соглашались на это, предпочитая оставаться без работы.

В общем это можно характеризовать, как крайнее отсутствие внутренней дисциплины труда. Выброшенные из привычного труда, принужденные к постоянно изменяющимся занятиям, более или менее случайного характера, не имея прочного отношения к производству, они, конечно, для труда не были дисциплинированы. А между тем развивался новый строй—капиталистический, росли обширные торговые предприятия, создавались транспортные предприятия—корабли, и проч.; а главное, развивались мануфактуры. Мануфактуры—это фабрики с ручным трудом. Для всего этого нужны были кадры рабочих устойчивые, и дисциплинированные в смысле труда.

Государство было тогда, как и всегда, организацией господствующих классов. Оно всегда удовлетворяет потребности этих классов, в данном случае, собственных классов вообще, и в частности капиталистов. Значит, государство „должно было,—и оно так и делало,—принимать меры для дисциплинирования бродячих пролетарских масс в целях капиталистической эксплуатации. Но как оно их дисциплинировало? Самыми различными путями. Во-первых, очень суровыми законами о бродяжничестве. В этом отношении характерна Англия, так как Англия передовая страна, которая раньше других развила у себя капитализм; и там эти меры выступают ярче всего. Издавались суровые законы о „бродягах“, при чем бродягами назывались вообще безработные. Человек, значит, во что бы то ни стало должен был искать работы, потому что, если он ее не имеет, его наказывали чрезвычайно жестоко. Так, во второй уже раз, когда он попадался в „бродяжничество“ его наказывали плетью, а в третий раз подвергали ссылке, или даже при-суждали к смертной казни.

Затем, издавались законы о рабочем дне. Продолжительность рабочего дня устанавливалась государством, но не так как теперь, в новейшее время, когда устанавливается его наибольшая продолжительность; нет, тогда устанавливалась его наименьшая продолжительность, запрещалось работать меньше известного числа рабочих часов. Но этот закон большей частью обходили; и рабочий день в большинстве случаев, все-таки, не превышал часов 9—10, а иногда был, вероятно, и меньше. Об этом можно судить по такому факту. Еще в 70-х годах 18-го века, один писатель, предлагая меры для дисциплинирования рабочего класса, проектировал построить рабочий дом, „дом ужаса“ для рабочих, где все не находящие работы, ее получали бы, но как принудительную; и там он намечал рабочий день до 11—12 часов; это уже считалось огромным рабочим временем; это был „дом ужаса“, как он выражался. Значит, ясно, что в действительности рабочее время было менее продолжительно. Итак, устанавливался минимальный день, при чем наказанию должны были подвергаться и тот предприниматель, который нанимал на более короткое рабочее время, и тот рабочий, который нанимался к нему. Но, как было отмечено, они этот закон по соглашению очень часто обходили.

Точно также устанавливалась максимальная рабочая плата. Судьи могли признавать плату чрезмерной и сокращать ее. Но она-то была и так очень низка, так что тут перед нами только иллюстрация классовой сущности государства.

Надо сказать, что, несмотря на все эти меры, „бродяжество“ было значительное; да иначе и быть не могло. Пролетариат был так многочислен, что не малая, и временами даже большая часть не находила себе места в производстве. Итак, это был, в значительной части, люмпен-пролетариат, в роде римского, с паразитической окраской. Во всякий данный момент, часть его имела неустойчивый заработок; но другая, и постоянно очень большая часть была безработна. Как было указано, в Римской империи государство было принуждено брать на себя заботу о поддержании жизни этого пролетариата, потому что иначе он превращался в опасную для государства силу. Там государство его и нанимало политически; или разные партии пользовались его продажными услугами. В Англии этого не было, потому

что здесь пролетариат в такую силу не успел сложиться; но государство все-таки, в интересах порядка и в интересах будущего производства, взяло на себя отчасти поддержку его существования. Для этого в Англии были установлены так называемые законы о бедных, специальный налог на имущие классы для поддержания неспособных к труду и безработных. Меры, следовательно, принимались двусторонние, частью дисциплинирующие, частью направленные на поддержание жизни пролетариата.

Таков был этот бродячий пролетариат. Как видим, колыбель новейшего пролетариата не отличается красотой и изяществом. Путем деклассации он возник, путем падения в люмпен-пролетариат, в босачество он прошел первые шаги своей истории, и затем из этой глубины падения ему надо было подниматься. А это было действительно глубокое, в культурном смысле, падение.

Культурное состояние первичного пролетариата.

Каково, именно, было тогда его культурное состояние? Что он принес с собою из своего прошлого? Это был деклассированный слой общества, элементы, раньше принадлежавшие к классу мелких собственников-производителей. Таково было их прошлое, из него они принесли некоторые культурные остатки. Что же именно? Мелкий собственник был всегда, конечно, индивидуалистом, у него была частная собственность, индивидуальное хозяйство. Следовательно, первый, основной, культурный остаток был — индивидуализм. При этом в своем хозяйстве мелкий собственник являлся хозяином-руководителем, властителем. Значит, к индивидуализму присоединялись некоторые элементы авторитарности, духа властности, но в пределах частного маленького хозяйства. Итак, в общем, индивидуализм, ставящий в центре всего „я“ с его личными интересами, личными стремлениями, плюс авторитарные наклонности по отношению к тем, кто попадает в сферу силы и влияния данного лица.

Далее, какой имелся жизненный опыт? Опыт узкий, в особенности если дело идет о бывшем крестьянине, из прикрепленных к земле. У него весь кругозор ограничивался его общи-

ной, районом сельской колокольни, как выражаются. Да и ремесленник, выброшенный из своей социальной позиции раньше, ведь тоже был в значительной мере прикован к своей мастерской. Но все же тут опыт шире, хотя и неособенно широкий: горизонт, ограниченный целым, правда, городом, но только своим городом. Когда в наше время употребляют выражение „мещанин“ в порицательном смысле, под этим обыкновенно и подразумевается такой тип: индивидуалист с авторитарными наклонностями в отношении ко всем тем, кто ему подвластен, с узким опытом, кругозором маленького района. Эти три элемента составляют тип мещанина, в том смысле, в каком, например, Горький писал о мещанах. Формально „мещанин“ обозначает просто городского жителя, т. е. определенное сословие; но в литературе теперь чаще встречается другое значение и другое определение этого слова, порицательное.

Итак, люмпен-пролетариат, в общем, принес с собой мещанскую психологию в дурном смысле этого слова. Была ли она уже ослаблена самой утратой мещанской позиции в обществе? Индивидуализм, эта основная черта мелкого собственника, мог ли ослабеть, или должен был усилиться за последнее время отчаянной борьбы, когда мелкие собственники, под действием стихийных социальных сил, шаг за шагом отступали по пути разорения, шаг за шагом теряли мелкую собственность? Когда за что-нибудь приходится отчаянно бороться, это становится дороже или менее дорого? Если он боролся за свою собственность, за свое индивидуальное хозяйство, и боролся отчаянно, если это частное хозяйство, его собственность у него отнимали, то очевидно, оно от этого становилось еще дороже; а если так, то индивидуализм, который из этого вытекает, должен был усиливаться, обостряться. Поэтому мы можем сказать, что новый пролетариат вступал в жизнь с обострившимся индивидуализмом: т. е., каждому из них только до себя, до своих интересов и было дело, потому что последние стадии его жизни мелкого собственника были стадиями отчаянной борьбы за себя, за свою собственность, за свое хозяйство. Это так всегда бывает при подобных условиях ¹⁾. Что касается авторитар-

¹⁾ Професс. Н. Рожков утверждает, что первоначальное христианство было религией социально-погибавших мелких собственников античного

ных элементов мещанской психологии, которые и раньше не стояли на первом плане, то они едва ли могли усилиться в связи с процессом разорения мелкого хозяина, скорее, напротив, могли ослабеть с упадком сознания своей силы; но исчезнуть, разумеется, не могли, пока существовал их оплот—старая семья.

Вот, следовательно, элементы, из которых складывалось культурное состояние нового пролетариата. Представим себе теперь его быт. Основные его черты намечаются сами собой. Отношение к труду—разумеется самое отрицательное: это был труд на других, а тогдашний пролетариат ведь бывший собственник, недавно работавший на себя. Какой у него был идеал в то время? Вернуть себе хозяйство. Этот идеал в прошлом, еще глубоко владевший душою бродяги пролетария, не мог сделать благоприятным его отношение к труду на других, тем более, что и труд был чаще всего новый, непривычный, и тем более тяжелый. Итак, преобладало отвращение, антипатия к своему труду. В то же время удавалось ли когда-нибудь этому пролетарию вернуть свое, частное хозяйство? Во всяком случае, разве только единицам из тысяч или даже миллионов; а в общем это было безнадежное дело, усилия бесплодные. Если так, то могло ли быть культурное его настроение бодрым, высоко активным, боевым, или нет? Нет, не могло: поражение он уже потерпел, усилия вернуть прежнюю позицию бесплодны, приходится заниматься трудом, который внушает отвращение. Очевидно, это было подавленное культурное состояние, без веры в свои силы, без стремления к творчеству.

С другой стороны все же тут было и нечто новое, возвышающее. В этот новый для него мир пролетарий является с жалким опытом своей колокольни. Он бродит по свету, попадает сюда, туда, делает поневоле одну работу, другую, третью. Это очень важно для развития, и в этом отношении пролетарий-босяк много выше прежнего крестьянина, выше даже ремесленника, выше той узкой среды, из которой он вышел. Следовательно, получается расширение опыта. Но расширение это здоровое или болезненное? Конечно, болез-

мира, его крестьян и ремесленников. Ясно, какая это невозможная вещь: элементы, индивидуализм которых должен был до крайности обостриться в последней борьбе за индивидуальное хозяйство, создали вдруг ярко коммунистическую секту.

ненное. Почему? Потому что это непривычная для него среда, полная ломка жизни, резкая смена всей суммы впечатлений. Итак, болезненное, мучительное, но огромное расширение опыта.

Теперь, какая именно идеология, т. е. какой способ мышления, какое отношение к жизни, к миру должно развиваться на этой почве? В окружающей среде господствуют и руководят ходом жизни классы буржуазные. Там имеется определенная, сложившаяся и прочная культура. В ней есть религия, оставшаяся от прошлого, но перестроившаяся в духе и в интересах буржуазных классов, есть многочисленные правовые нормы, есть установившаяся нравственность, сокровища искусства, богатство науки, — все это есть в старой культуре, окружающей пролетария. А как он может ко всему этому относиться? Например, вот нравственность окружающей его среды, нравственность, вся построенная на священном принципе собственности, — разделяет он ее или нет? Мудрено разделять, когда ему приходится нередко украсть для того, чтобы не умереть с голода. Мы знаем, босяки постоянно на границе уголовщины, и это невольно, в силу экономической необходимости. Значит, мораль эта не может его привлекать, он к ней враждебен, она мешает ему жить, а тем более не дает вернуть его прежнее положение. И надо заметить, что если кто из этого пролетариата и сумел вернуть себе обратно свое положение, то именно путем нарушения этой морали. Затем правовая система: государство с его законами, которые преследуют пролетария самым жестоким образом, которые устанавливают наказания за безработицу, наибольший рабочий день, наименьшую заработную плату, — может ли он к этой правовой системе относиться хорошо? Нет. У него неизбежно отрицательное отношение к ней. И вообще, может ли он в окружающей его культуре что-нибудь ценить? Нет: она, просто вся не для него; лучшее в ней — искусство, наука недоступны ему. Итак, у него отношение к культуре окружающей всецело отрицательное, а своей культуры у него нет, и что было, остатки, пропадают. Вывод: культурный нигилизм; можно прибавить аморальный, аморалистический, потому что в нем особенно своеобразно и ярко именно это отрицание морали. Если вам приходилось читать ранние произведения Горького, в которых описы-

ваются босяки, вы увидите там все существенные черты этого культурного состояния, аморально-нигилистического. Его герои, когда они талантливы или развиты, облачают это в сильные красивые фразы; но основа всего этого у них чисто инстинктивная, стихийная, они аморально-нигилистичны по своей социальной природе.

Жить им, однако, приходится тяжело, трудно. Индивидуальными усилиями часто и нельзя продержаться. Поэтому у них должно складываться что-нибудь другое, кроме голого индивидуализма и аморализма, необходима временная поддержка, какое ни на есть товарищество. И у босяков Горького такое товарищество имеется. Но что же, это товарищество прочное, устойчивое, организованное? Нет. Оно развивается, так как взаимная поддержка необходима; но когда люди по природе индивидуалисты, аморалисты, да вдобавок и положение их постоянно изменчивое, то они могут развить только слабую связь товарищества.

Вот, следовательно, первые стадии новой жизни новейшего пролетариата, стадии босяческого, люмпен-пролетарского существования, стадии наибольшего падения и очень смутных намеков на „подъем“. Эти намеки на культурный подъем заключаются, во-первых, в огромном расширении опыта. Пролетарий-босяк рано или поздно становится человеком опыта, хорошо ориентирующимся, ловким и быстрым в решениях. Затем намеки эти в слабом зарождении товарищества. Только тут элементы подъема. Пожалуй, до некоторой степени элементом подъема можно считать и отрицание старой культуры, хотя взамен этой старой культуры ничего еще нет.

Культурный подъем какого-нибудь класса возможен только тогда, когда этот класс приобретает все более и более важную роль в производстве. Следовательно, культурный подъем пролетариата должен был основываться на его экономическом подъеме, на усилении его роли в производстве. В данном случае, этот подъем и был основан на превращении первичного бродячего пролетариата в фабрично-заводский пролетариат. Именно там он приобрел эту огромную важную роль в производстве, которая дала ему совершенно новое положение в обществе. Проследим, как это произошло.

III. Культурная линия мануфактуры.

Фабрика возникла первоначально в виде мануфактуры, т. е. предприятия, в котором собраны работники ручного труда. Мануфактура отличалась от ремесленной мастерской не только тем, что там больше было собрано работников, но еще тем, что в ней развивалось техническое разделение труда, т. е. между работниками распределялись отдельные частичные операции производства. Ремесленники-мастера, подмастерья— всю работу делали каждый с начала до конца. В мануфактуре один рабочий выполняет одну какую-нибудь операцию, другой—другую, третий—третью, и т. д. Производство дробится сначала на более крупные элементы трудового процесса, потом на все более мелкие. Это давало возможность развить производство гораздо шире, и было нужно для создания массового производства тогда, когда еще не было машин. При отсутствии машин, массовое производство могло достигаться только путем такого усиленного дробления труда, разделения труда между работниками в мануфактуре. Но что при этом получалось? Дробление труда в то же время было дроблением работника. Работник стал, если можно так выразиться, частичным работником, сведясь к одной частичной трудовой операции. Вот, напр., кузнец. Работа кузнеца-ремесленника сложная и включает в себе массу элементов, он имеет дело с разными орудиями, он выполняет разные операции, он должен взвешивать и соображать разные стороны дела. Эта работа сама по себе заключает широкий опыт. Но посмотрите на частичного работника в механической мануфактуре, где производятся, допустим, инструменты. Работник, положим, выковывает гвоздики, и даже не целые гвоздики, а производит только одну специальную операцию, напр., заостряет кусочки проволоки, из которых делаются гвоздики, или же

расплющивает другой кончик в шляпку: вот вся работа, которую он выполняет. В течение суток он делает десятки тысяч одинаковых движений, повторяя одни и те же усилия, получает от другого рабочего материал и передает следующему рабочему этот же материал, прибавивши к нему свою одну операцию. Какой же возможен широкий опыт в этом труде? Совершенно ясно, что здесь сужение опыта наибольшее. Что же, этот труд следует считать развивающим или отупляющим человека? Разумеется отупляющим. Это труд какой-то машины; между тем человек должен его выполнять. Конечно, такой труд удовольствия доставлять тоже не может; следовательно, приходилось его выполнять под суровой дисциплиной. В мануфактуре обязательно имелись надсмотрщики, либо сам хозяин всё время следил и подгонял рабочих: пустой, бессодержательной, каторжно-сучной работе соответствовала общая дисциплина, механическая, отупляющая.

С физической стороны такой труд не содействует развитию организма. Сравните кузнеца-ремесленника и работника инструментальной мануфактуры. У первого очень развивается верхняя часть тела: грудь, руки, грудная мускулатура, — но слабо развиты ноги. Это одностороннее развитие организма, но все таки значительное развитие; и кузнецы в большинстве случаев обнаруживают большую силу, ловкость и т. д. Но возьмите того мануфактурного частичного кузнеца, который все время производит один и тот же ряд ударов по кончику проволоки, может ли у него развиваться широко организм, хотя бы в каком-нибудь направлении? У него не будет общего развития, только специально разовьются некоторые мускулы; у него не будет той сметливости, и той общей ловкости, общей умелости, которая была у кузнеца-ремесленника. Следовательно, тут получается не только одностороннее развитие, но прямо-таки уродование организма. Результаты такого разделения труда можно было до последнего времени наблюдать у иных кустарей, у которых оно развилось по тому же типу, как в прежних мануфактурах. Напр., у нас в России, в разных местностях, гвоздари, т. е. кузнецы, которые производят специально только гвозди, обыкновенно бывали кривобоки, потому что у них очень однообразные движения развивали одну сторону организма

ненормальным образом. Получалось в результате такого узкого разделения труда уродование физическое, а еще больше, конечно, духовное.

Вот, следовательно, какого характера был этот труд. Роль рабочего в производстве как будто бы возросла. Он участвует в массовом производстве, и он необходимый элемент в целом производственном процессе; но работа его такая, которая человека дробит, суживает его опыт, притупляет его, уродует его тело и его душу. Таков результат технического мануфактурного развития труда. Это во-первых. Во-вторых, ведь рабочий класс поднимается постольку, поскольку в нем развивается солидарность, поскольку он сплачивается в силу коллективную. Как же было с рабочими мануфактур,—развивались в их среде солидарность, сплочение? Если вы примете во внимание такие обстоятельства, что один выполняет все время одну работу, другой другую, с ней совершенно не сходную, то чего следует ожидать,—что работа их будет связывать или разъединять? Скорее разъединять. Она связывает лишь постольку, поскольку один передает работу другому, но эта связь внешняя, а самая работа у них совершенно различна, она их разъединяет.

Представим себе это конкретнее. Делаются гвоздики. Один режет проволоку на кусочки, а другой в то же время занят тем, что обтачивает один конец каждого кусочка—нисколько не похожая на первую работу; третий занят третьим: он расплющивает другой конец в шляпку. У каждого движение совершенно иное и иной силы; и оно порождает соответственно другое душевное состояние. У одного движения все время резкие, у другого все время плавные, у одного движения все время, допустим, прямые, у другого—скользящие, косвенные, и т. д. Все это создает в людях даже разные настроения: надо не забывать, что все состояние человеческого организма определяется его деятельностью. А здесь эта деятельность различается во всех частях и во всем своем стиле. Естественно, что получится разъединение. Итак, мы видим, что содержание труда разъединяет рабочих.

Затем их заработная плата. Для объединения важна общность интересов. Но, когда все работники выполняют разные операции, с различным напряжением и различной сложности, то заработная плата у них также неизбежно

держится на разном уровне. Правда, там есть слой черно-рабочих, у которых плата однообразна; но это как раз наименее устойчивый элемент мануфактуры, наиболее близкий к первичному, люмпен-пролетарскому типу. Главный же элемент мануфактуры — ручные специальности; а у них каждая работа требует особого обучения и навыка, особой степени развития ловкости и силы. Стоит только сравнить в той же инструментальной мануфактуре кузнецов молотобойцев, от которых требуется огромная сила рук и стана, и, напр., рабочих, режущих проволоку. В общем, значит, разъединяет работников и уровень платы.

Итак суженный опыт, притупляющий труд, ступляющая дисциплина, уродование организма, разъединение самым содержанием труда и разъединение уровнем платы. Может ли тут сложиться коллектив? Нет, конечно не может. Эпоха мануфактур и характеризуется полным упадком рабочих организаций. У подмастерьев организации были, а у мануфактурных рабочих не было. Весь период мануфактур был периодом раздробленности пролетариата. В его среде было не больше связи, чем у босяков; уровень товарищества был, может быть, еще ниже. Это картина вырождения, а не культурного подъема, господства тенденций дегенеративных. Тут можно прямо принять культурную безысходность; и все-таки это необходимая ступень развития.

На что больше всего похож рабочий мануфактур в своей работе? На машину; это человек-машина. Такова и была историческая миссия мануфактуры: создать человека машину, упростить труд до степени механизма. А раз создан человек машина, то его работу можно и передать машине. Раз труд упрощен до элементарных механических движений, то эти движения может выполнять машина. Напр., устроить машину, которая бы шила сапоги, очень трудно, но построить машину, которая бы резала из кожи подошвы, совсем не столь трудно. И тогдашняя механика могла уже к этому подойти.

Итак, вот миссия мануфактуры. Она, превративши человека в машину, привела к тому, что только один шаг оставался до замены человека машиной, до перехода к машинному производству. Но машинное производство и есть начало действительного подъема пролетариата, действительного

творчества пролетарской культуры. А линия мануфактуры есть линия сама по себе упадочная.

Так сложны пути исторического развития рабочего класса. Пролетариат выходит из класса мелких собственников, выходит путем деклассации, падения „на дно“ общества в виде люмпен-пролетариата; но как будто этого падения еще не достаточно. Начинается линия мануфактуры и принижает человека до машины. Ведь, даже босьяк Горького во многом выше этой машины,—так что именно тут упадок наибольший. И вот тогда то начинается подъем. Человека довели до уровня машины; а затем эту роль его передают машине, и он получает вновь роль человека.

IV. Линия машинного производства.

А. Роль работника в производстве.

Исследуем культурное влияние машинного производства на рабочий класс. Машинное производство характеризуется тем, что между работником и природой выступает новое могущественное орудие, которое выполняет механическую сторону работы, не только грубую, но часто и в высшей степени тонкую механическую работу. При этом меняется весь характер деятельности работника.

Ручной работник мануфактур сам представлял из себя нечто вроде живой машины, и был подчинен надсмотрщику, подчинен суровой дисциплине, почти принудительному труду. Машина сначала появилась в виде сравнительно простых и грубых приспособлений, которые выполняли только операции, требующие особенной механической силы, в роде выкачивания воды из шахт, дробления руды и пр. И развивалось машинное производство весьма постепенно. Постепенно машине передавались все более и более тонкие функции. В начале, пока машина была еще довольно грубым орудием, работник представлял из себя как-бы ее механическое дополнение. Он в сущности был подчинен машине. Он по-прежнему являлся работником ручного труда, и труда частичного, суженного, потому что труд при такой машине, которая сама выполняет только какую-нибудь простую операцию, прислуживание этой машине, есть, конечно, работа чрезвычайно простая, чрезвычайно мало содержательная, и почти всецело ручная, потому что умственного напряжения не требует. Пример — хотя бы работа закрывания и открывания клапанов при первых паровых машинах. Представлялся работник который открывал сперва один кран, а

другой закрывал, потом наоборот, и т. д. Это не лучше и не сложнее самых детальных операций в мануфактуре ¹⁾.

Но по мере того, как машина усложняется, берет на себя более сложные и более тонкие операции, изменяется положение работника по отношению к ней. Все больше и больше он перестает быть простым ее дополнением. Он принужден управлять ею, потому что ее движения становятся сложнее. Меняется характер его усилий, меняются и те требования в смысле подготовки, которые предъявляет к нему машина. Его усилия уже не только грубо-физические, уже не только упрощенный ручной труд. Нет, ему приходится внимательно наблюдать за движениями машины, контролировать их, вмешиваться в них, изменяя в том или другом смысле их направление, скорость, силу и т. д., вообще, регулировать их. В случае нарушения хода, а нарушения, конечно, тем чаще, чем машина сложнее, ему приходится соображать и решать, что именно надо сделать, проявлять инициативу, быстрое соображение и самостоятельность решения. И все это тем в большей степени, чем машина совершеннее и сложнее. Следовательно, какой характер тут имеют усилия? Руки работают, но, в сущности, относительно мало; большую часть механических воздействий выполняет сама машина; со стороны человека их гораздо меньше, чем прежде; зато приходится наблюдать, соображать, регулировать, вмешиваться, и иногда вмешиваться при таких условиях, что нужно воздействовать очень сложно; при какомнибудь не-обычном нарушении хода нужно думать, как поступить, и приходится решать, основываясь на точном понимании того, как устроена машина. Мы видим, что все это—умственные усилия: внимательная работа, конечно, есть напряжение „духовного“ характера, а тем более работа регули-

¹⁾ Пустота и бессодержательность этой работы повела к глупому шагу вперед в развитии паровых механизмов. Мальчику, приставленному к такой машине, было скучно делать все одно и то же, и хотелось играть. Он связал краны с движущимся шатуном веревкой таким образом, что когда поршень доходил до одного конца цилиндра, закрывался один кран и открывался другой, когда поршень доходил до другого конца, то наоборот; и мальчик мог уходить от машины. Это было зародышем золотника. На этой иллюстрации ярко выступает и механизация человека, и легкость, на ее основе, замены его механизмом.

рования, тем более инициатива и обдумывание при вмешательстве, когда нарушается ход механизма; ручные усилия отступают перед умственными.

Вместе с тем иная, чем прежде, требуется и подготовка. Подготовка ручного работника, это и была по преимуществу ручная физическая подготовка. Здесь дело другое. От рабочего требуются усилия умственного характера, и при том длительные, постоянные усилия; следовательно, требуется непрерывная умственная активность; и в то же время необходимо понимание механизма, сути и связи его действий соотношений между его частями. А ведь, механизм, в особенности сложный, есть произведение высоко развитой науки. Требуется сообразительности, которая может быть развита только умственным упражнением, инициатива, которая опять таки предполагает известную духовную культуру. Все эти требования совершенно иные, чем для ручного работника мануфактуры. Там от него не требовалось длительного и напряженного внимания, потому что работа чисто механическая, делалась почти бессознательно; там от него не требовалось особенной сообразительности, надо было только хорошо выработать движение своих рук; там не требовалось от него никакой инициативы, ему приходилось делать все одно и то же. А тут все это необходимо, и означает существенно иной характер труда, иной характер подготовки.

Что же это за характер, что же это за подготовка? Различаются два основных вида труда: организаторский— труд руководителя и исполнительский труд того, кто выполняет, подчиняясь указаниям. Это разделение труда самое глубокое, какое мы знаем в истории человечества. Его сравнивают с разделением функций головы и рук. Организатор есть как бы голова, которая управляет движениями рук, представленными исполнителем. Посмотрим, какого рода бывают усилия организатора, когда ему приходится руководить работою разных исполнителей. В общем, они таковы: ему надо проявлять инициативу, организуя распределение труда и приказывая начать его; надо внимательно наблюдать за ходом всего дела; надо соображать так ли оно выполняется, как надо; вмешиваться при всяких нарушениях нормального хода; надо регулировать, управлять. Эти усилия как раз-

того же рода, какие приходится выполнять работнику при машине. И действительно, работник при машине управляет ею, как тот прежний организатор-руководитель управлял работниками. И в то же время работник попрежнему остается подчиненным, остается исполнителем.

Что такое машина? Машина заменила прежнего ручного работника; она, таким образом, есть своего рода железный раб: работник управляет железным рабом. Разница с прежним организатором та, что тот управлял рабом живым, а этот—мертвым, железным. Но тип подготовки тот же: требуется—способность к значительному вниманию, к соображению, к инициативе, общее понимание всего дела в целом и в частях, словом, действительно подготовка организатора. Но есть и разница; а именно, организатор не был в то же время исполнителем, организатор не был человеком физического труда, организатор руководитель обыкновенно только приказывал, а работник руководитель, конечно, приказывать не может, машина не понимает, не слушается, и он сам на нее воздействует руками. Оказывается, что этот труд есть и организаторский, и вместе с тем исполнительский, усилия того и другого типа объединены в одном лице. И подготовка здесь все таки необходима и другая. В физической части этой работы нужно физическое умение, ручная сноровка. Напр, хотя бы рабочие механического производства: им нужна также и совершенно специальная ловкость, специальная физическая умелость, тренировка рук, следовательно, и по характеру усилий и по характеру подготовки работник машинного производства, по мере своего развития,—потому что, надо не забывать, это развитие долгое,—превращается в настоящее соединение прежде глубоко разделенных видов труда, организаторского и исполнительского. Превращение шло весьма постепенно, этот долгий путь и теперь только частью еще пройден. Это путь, в начале которого рабочий подчинен машине, как ее живой придаток, и в котором затем он не только дополняет машину своими усилиями, но и управляет ею, а дальше, все более и более становится настоящим руководителем железных рабов.

Высший тип механизма, применяющийся в производстве до сих пор, представляют так-называемые автоматические, самодействующие механизмы. Это такая машина, что в нее

вкладывают материал, и она с другого конца выбрасывает готовый продукт. Подобного типа машина заменяет иногда тысячи работников. Напр., булавочная машина приготовляет из доставляемой ей проволоки в течение дня около 180 тысяч булавок; и один работник может управлять сразу 10—15 такими машинами. Сколько надо было бы рабочих, чтобы выполнить эту работу руками! При таком устройстве машин обычная физическая деятельность работников уже совсем незначительна — они только доставляют машине материал; но в то же время такие механизмы особенно сложны. В них особенно много различных приспособлений, которые все надо иметь в виду, которые надо постоянно внимательно наблюдать и регулировать в их действии. И понятно, такой аппарат, по своей сложности, может в разных частях не редко испытывать различные нарушения нормального хода; и тогда работник должен энергично и быстро, активно и строго целесообразно вмешиваться, потому что чем более сложна машина, тем легче она и портится. Очевидно, автоматический механизм требует еще большей культурности, большей интеллигентности, чем машины менее высокого типа. До сих пор автоматические механизмы имеются в не большом числе отраслей производства; а между тем уже намечается новый тип, еще более высокий, еще более сложный — механизмы саморегулирующиеся, которые не только сами целиком выполняют техническую задачу, но, в случае нарушения своего хода, сами эти нарушения исправляют. В производстве еще нет таких механизмов, хотя есть их элементы, т. е. то, из чего они разовьются; это так наз. регуляторы. Во многих машинах есть регуляторы, которые восстанавливают их нормальный ход в каком-нибудь отношении. Уже у такой сравнительно элементарной машины, как паровая, имеется всегда регулятор пара, который при чрезмерном давлении пара его выпускает, предотвращая взрыв и восстанавливая нормальное давление. Это самый простой случай. Но есть и другие, более сложные регуляторы: регуляторы скорости, температуры, силы тока и т. д. Но это только зародышевые части будущих саморегулирующихся механизмов. Настоящие такие механизмы сейчас существуют лишь в военном деле. Есть, напр., саморегулирующиеся и самодвижущиеся торпеды, подвижные мины,

которые, будучи раз спущены, плывут под водою по одному направлению, а при всяком отклонении, когда оно возникает благодаря течениям, волнам, случайным толчкам, сами его исправляют с помощью своих плавников, соответствующим образом поворачивая их, и таким образом принимают прежнее направление. Это очень сложный механизм, высоко совершенный. Есть в артиллерийском деле и другие такие механизмы; напр., какое нибудь скорострельное орудие имеет массу автоматически-регулирующих приспособлений; применяются и воздушные мины с подобными приспособлениями. Но все это пока только в военном деле. Почему именно там? Потому что в производстве пока еще такие орудия невыгодны: слишком они сложны, и при них нужно иметь работников высоко-интеллигентных, с высоким техническим образованием; а между тем, раз уже имеются машины автоматические, то сравнительно с ними саморегулирующаяся машина сэкономит труда немного. Без сомнения, она его сэкономит, и притом регулирует совершеннее, чем работник своими руками; но для капиталиста-предпринимателя этого недостаточно: он всецело стоит на точке зрения прибыли. Машина сложная очень дорога, рабочих сил экономит немного, процент прибыли от нее на большой капитал, которого она стоит, будет слишком для него мал. Поэтому в производстве они не применяются, а в деле истребления применяются: там-то, ведь, не приходится вести расчет на прибыль. Там не в прибыли дело, а в том, чтобы достигнуть цели во что бы то ни стало; и следовательно, там вполне достаточно того, что эта машина точнее, совершеннее, лучше достигает цели;—чтобы ее ввели. Это одно из характерных противоречий капитализма: техника истребления у него прогрессивнее, чем техника производства.

Ясно, что при таких саморегулирующихся механизмах,—которые в производство будут введены только при коллективистическом строе,—организаторский и исполнительский труд окончательно соединены. Работник становится организатором, научно-образованным, потому что работник иного типа не в состоянии был бы управлять подобным механизмом. При механизме современном работник должен обладать некоторыми общими знаниями и техническим пониманием,

но настоящих научно-технических знаний он может не иметь, — их имеет инженер. А при механизме саморегулирующемся работник превращается в инженера точнее, становится одного типа с инженером; он может меньше знать по количеству, но его знания должны быть того же качества и характера; требуется та же основная и общая подготовка, чтобы следить за многими регулирующими приспособлениями. Они, конечно, сами выполняют работу регулирования, но надо следить за тем, как они ее выполняют, быть их высшим руководителем: сопоставлять данные об их действиях и делать сложные выводы. Затем, их нарушения гораздо сложнее, и вмешательство тогда труднее, оно требует высокого технически научного опыта. Но это еще недостигнутая ступень развития; а пока, в настоящее время, работник машинного производства все таки уже является соединением работника-руководителя и работника-исполнителя. А раз это так, то меняется и характер отношения работника к труду.

Работник и чернорабочий мануфактуры могли относиться к своему труду или равнодушно, или прямо-таки враждебно, как к своего рода каторге, делу принудительному и неинтересному. Первичный пролетариат относился к труду вообще скорее отрицательно, как к необходимому злу. Работник мануфактуры, при большой механичности его работы, относился бы к труду просто равнодушно, если бы не утомлялся его однообразием; отношение во всяком случае, не положительное, а скорее тоже отрицательное. Но работнику сколько-нибудь развитого машинного производства невозможно было бы сколько-нибудь успешно выполнять свое дело, если бы у него сохранялось такое отношение к труду: стоит только представить себе работника, у которого взгляд на работу, как на каторгу, и который, однако, должен внимательно, непрерывно, зорко, с точным соображением регулировать действия механизма — это будет никуда негодный работник. Нельзя постоянно хорошо соображать, точно и быстро действовать, если это не становится для работника положительным фактом, если во все это он не вкладывает души. Нет, работник-организатор и исполнитель одновременно при машине не может не относиться к своему труду положительно, т. е. не может не рассматривать его, как необходимую, есте-

ственную, нормальную и в той или иной степени даже приятную часть своего существования; иначе он был бы плохой работник. И это новое отношение к труду становится возможным по мере развития машинного производства, потому что работа заключает все больше разумного смысла, и не имеет такого механически-бессмысленного, каторжного характера, как работа чисто исполнительская в мануфактурной стадии.

Следовательно, машинное производство превращает пролетариат из класса отрицательно-трудового в положительно-трудовой, т. е. в класс, проникнутый трудовым сознанием, проникнутый положительным отношением к труду, класс, сознающий значение и ценность труда. И, конечно, этому чрезвычайно содействует высокая производительность труда. Работник видит, какие громадные результаты получаются от его усилий; и у него, конечно, не может быть такого отношения к труду, как у прежнего работника, который с громадными усилиями достигал небольших результатов.

Итак, вот первый элемент пролетарской культуры, выдвигаемый машинным производством, — это элемент труда. Пролетарская культура проникнута трудовым принципом, весь быт рабочего класса определяется его трудом. Все его существование приспособляется к его труду. В мышлении работника идея труда занимает центральное место, это его исходный пункт. В его мире чувствований опять-таки развивается, во-первых, *любовь* к труду, во-вторых, *гордость* труда, потому что он видит постоянно на своей работе, как труд побеждает природу, побеждает стихии. Все это делает машина, которая несет с собою осознание труда, машина — стихийные силы, которые ему служат, и производят громадную работу, явную для его наблюдения.

Это первый элемент или первый момент пролетарской культуры. Но является ли он исключительно пролетарским? Он не стоит в противоречии с культурой некоторых других трудовых классов. Ведь пролетариат не единственный трудовой класс. Крестьянство тоже трудовой класс, интеллигенция вообще — служащая интеллигенция: техническая, конторская и т. д., — тоже трудовой класс. Их культурное направление, следовательно, тоже должно быть трудовое. Противоречия культурного нет, но есть разница. Возьмем труд крестья-

янина; это труд, тоже большей частью любимый человеком: крестьянин тоже положительно относится к своему труду. Но там царит подчинение условиям природы: от стихийных сил — дождя, температуры, засухи, града, зависят результаты этого труда. В этом труде человек чувствует свое подчинение стихиям, и в нем развивается не гордость труда, а своеобразное смирение труда; не гордость трудовой власти над стихиями, а сознание того, что есть какие-то высшие силы над человеком, от которых зависят результаты его усилий. Это смирение труда и своеобразное сознание господства над ним стихийных сил есть именно то, что называют „властью земли“. Как видим, тоже трудовая культура, но другого рода; мотивы, чувства, самосознание труда в ней совершенно иные, чем у пролетариата.

Что касается трудовой интеллигенции, то у нее мотив гордости трудовой, обыкновенно, найдется, потому что она представительница науки, которая действительно побеждает стихии. Но у нее самая идея труда несколько другая. В ее труде физические усилия играют ничтожную роль; в нем она не стоит прямо лицом к лицу с природой, не действует прямо на стихийные силы. Ее труд — это почти всецело труд головы, а не рук, — не целостный труд, а частичный. Поэтому в культуре трудовой интеллигенции самая идея труда не включает непосредственного соприкосновения, непосредственной связи с природой, с ее стихиями; и вообще идея труда является, благодаря этому, сравнительно смутной, потому что цельной и ясной идея труда бывает только тогда, когда в ней объединена и головная работа и работа рук. Тогда это действительное и полное понятие о борьбе с природой, борьбе силою духа и силою тела, т. е. силою мозга и силою мускулов. А когда имеется работа только умственная, мозговая, как это бывает в общем для интеллигентов, тогда идея труда смутная, неполная.

Таким образом, хотя трудовой элемент пролетарской культуры и не разъединяет прямо пролетариат с другими трудовыми классами и с их культурами, но его отличает от них новая идея труда. А дальше следующие моменты пролетарской культуры представляют уже более глубокое расхождение с другими трудовыми классами.

В. Товарищеское сотрудничество.

Второй элемент пролетарской культуры—товарищеское сотрудничество. Это особая форма сотрудничества людей, которая возникла впервые, конечно, не с пролетариатом, а существовала и гораздо раньше, но только в неразвитом, в зачаточном состоянии. Так, старинная община, земледельческая община феодальной эпохи представляла товарищеское объединение крестьян, мелких хозяев, ремесленные цехи—товарищеское объединение мастеров, тоже мелких хозяев—другого рода. Но здесь товарищеское сотрудничество не охватывало и не проникало собою всю жизнь людей. Индивидуальный собственник, мелкий хозяин только слабо и частично мог быть связан с другими такими же хозяевами-собственниками товарищеской связью. Над ним господствует индивидуализм, т. е. склад ума и чувства, при котором в центре жизни ставится отдельная личность, личное я. Мелкий хозяин-собственник сосредоточен на себе и на своем. Кроме того, в своем личном хозяйстве и в домашнем быту он властитель, авторитет, т. е. опять-таки его связь с домашними не может быть товарищескою. Более развитое, более высокое товарищество было у подмастерьев. Здесь слабее индивидуализм; но он есть и играет большую роль в жизни, потому что задача подмастерья—выбиться из своей среды в мастера. К тому же здесь есть и другое условие, которое мешает развитию товарищеского сотрудничества, мешает именно развитию его в ширь,—это то, что товарищами подмастерью являются только подмастерья его ремесла, а не других ремесл. Разъединение профессиональное мешает расширению товарищества. Поэтому-то, как мы видели, союзы подмастерьев и не выходили за пределы ремесла.

У первичного пролетариата, босяцкого, имеется также слабее товарищество; но оно только слабое, потому что, как было выяснено, пролетарий на этой ступени еще индивидуалист, еще полон воспоминаниями своего мелко-собственнического существования, и к нему стремится. В том существовании он был не только собственник, но и господин над своей семьей, следовательно, он индивидуалист

еще со склонностью к авторитарному положению, т. е. к захвату власти над товарищами. Это товарищество, таким образом, и не развитое, ограниченное индивидуализмом и авторитарностью, и слабое, тем более, что благодаря бродячему быту в среде люмпен-пролетариата вообще связь непрочная, постоянно меняющаяся и разрывающаяся. — В мануфактуре, мы видели, товарищество развивалось очень мало, чуть ли не еще слабее. В мануфактурной ручной фабрике старых времен ему препятствовали и узкая специализация ей свойственная, и различие интересов, связанное с постоянными различиями заработной платы, и вообще узость трудового опыта, и особенно отсутствие общности в самом труде: занимаясь разной работой, люди плохо друг друга понимают. Отсюда-то и получилась та неспособность организоваться, которая свойственна рабочим мануфактурного периода. Начало новейшего и высшего развития товарищества лежит опять таки в машинном производстве, в со-трудничестве мастерской.

Здесь прежнее разъединение, зависящее от специализации, теряет свою остроту, теряет свою обособляющую силу, потому что труд становится все более однородным у разных работников. Труд при машине представляет соединение организаторского и исполнительского, головного и ручного, при чем преобладает как раз труд головной, труд организаторский; а именно он гораздо более сходен даже при самых различных машинах. Труд внимательного наблюдения, контроля, инициативного вмешательства, соображения — ведь это труд, в общем одинаковый, с такой машиной или с другой. Различны, конечно, движения, которые приходится делать работнику, но это не главная часть труда. Таким образом специализация, прежде разъединявшая людей, как бы переносится на машину, а люди становятся гораздо более близки, однородны и сходны в своем труде. В связи с этим и различия в заработной плате, ведущие к раздельности интересов, уменьшаются и становятся непостоянными, менее устойчивыми, так как гораздо легче переход от одной работы к другой, и гораздо быстрее достигается, при соответствии культурного уровня, конечно, переход от низших к более высоким. Следовательно, то, что разделяло людей в прежнем труде, уходит, теряет значение, а складывается возрастающая

общность в труде, возрастающее сходство человеческого опыта, человеческих переживаний.

При этом неизбежно развивается и взаимная поддержка. При работе, в мастерской имеется постоянный обмен взаимной помощью, и указаниями, и советом, и взаимной заменой. Напр., десятки, сотни текстильщиков в одной мастерской работают с одинаковыми ткацкими станками. Конечно, каждый из них в минуту необходимости может дать и указание другому, и прямо помочь активным вмешательством, а когда другой принужден оторваться, то заменить его. Но даже если машины частью различные, как нередко в больших механических мастерских, рядом станки разного рода и типа, так все-таки благодаря общей основе научной техники каждый работник для другого часто имеет возможность оказать содействие и руководством в нужный момент, когда тот, напр., просто потерялся при нарушении хода механизма, и прямым содействием, когда у того не хватает, напр., силы или когда не хватает двух рук.

По всем этим причинам в мастерской эпохи машинного производства взаимная поддержка и взаимная замена развиваются несравненно больше, несравненно быстрее, несравненно глубже, чем в каких бы то ни было прежних объединениях. И так как необходимо присоединяется общность интересов, общая борьба за заработную плату, то здесь неизбежно зарождается новый дух, дух товарищеского сотрудничества или, что то же, дух коллективизма.

Там он зарождается, там закладываются основы, а растет он в ширь за пределами мастерской. Товарищество развивается дальше в классовой борьбе, в отстаивании своих интересов и в организации, которая создается этой борьбой. Стачка—это, конечно, товарищеский союз борьбы, временный, но иногда очень глубоко, иногда очень сильно захватывающий людей. Стоит только вспомнить те упорные жестокие стачки, при которых каждому участнику приходится приносить массу жертв для общей победы. А когда на почве такой борьбы зарождается союз, то он представляет уже постоянное товарищеское объединение, и в таком союзе организация вся товарищеская. Коллективное обсуждение, коллективное решение и затем коллективное исполнение того, что принято —

это и есть товарищеское сотрудничество. В своей развитой форме оно именно таково: решает коллектив путем общего обсуждения, исполняет коллектив через всех своих членов, которые участвовали в выработке этого решения, и, следовательно, его принимают. Это совершенно особая форма сотрудничества, не похожая на прежние, на те, которые господствовали до нее. Она не похожа на сотрудничество организаторов и исполнителей. Организатор стоит над исполнителем, он ему приказывает; он от него существенно отличается по своему положению в труде. Здесь организатором являются все вместе в их обсуждении, в решении; исполнителем также все вместе в тех действиях, которые вытекают из принятого решения. Не похоже это сотрудничество на прежнюю техническую специализацию, потому что в обсуждении-то все одинаковы, все равны. В исполнении они, правда, могут брать на себя разные функции, но связь этих функций ясна их сознанию и чувству.

Не похоже товарищеское сотрудничество и на то анархическое общественное разделение труда, которое существует между независимыми товаропроизводителями: они решают каждый сам за себя и действуют обособленно, а связываются лишь путем рыночного обмена, который воспринимают, как борьбу интересов, а не как живое единение.

Итак, вот высшая форма сотрудничества. В пролетариате новейшем, индустриальном она достигает наибольшего развития, и, главное, она развивается все дальше и дальше, неограниченно. Общность углубляется. Чем больше люди привыкают работать вместе, действовать сообща, поддерживать друг друга, тем больше они при этом и понимают друг друга, тем более они и обмениваются своим опытом, своими мыслями, своими чувствами, и тем больше возрастает самая общность, их взаимная связь, связь товарищеская, коллективизм. Эта связь все больше очищается от прежних элементов индивидуализма и авторитарности. В начале индивидуализма — масса. Вы знаете, что пролетарий-босьяк индивидуалистичен, пролетарий мануфактуры индивидуалистичен, и таков же в начале пролетарий машинного производства. В начале он на других пролетариев смотрит, как на своих конкурентов; но взаимная поддержка, взаимное общение и сознание невозможности улучшить свою жизнь иначе, как

сообща, устраняют эти остатки индивидуализма. Точно также слабеет и исчезает стремление к власти над другими, к авторитету, слабеет и исчезает, потому что работник привыкает смотреть на других, как на равных по существу; он на опыте убеждается, что другие, даже когда они физически и духовно слабее его, также могут быть ему полезны при случае и руководящим указанием и всяким содействием; так что авторитарное настроение, связанное с представлением, что один человек выше, другой ниже, это настроение отмирает, слабеет; а товарищеская связь углубляется и очищается от его остатков.

Это ее развитие с внутренней стороны. В то же время с внешней стороны она расширяется, охватывает все большие и большие круги. Сначала это товарищеская связь предприятия, потом это товарищество профессиональное, захватывающее множество предприятий, потом федерация союзов, охватывающая разные профессии, и рядом с этим товарищество политической борьбы, окончательно выходящее из рамок всех профессий; а в конце концов, это товарищество переходит рамки даже национальные, рамки государственных, и становится международным.

Таков рост его внешней стороны, рост его широты. Тот и другой идут параллельно — и рост внутренний и рост внешний: его очищение и осознание идут рядом с его расширением. Но надо помнить, что это процесс долгий, что он в настоящее время еще идет, и нельзя считать, чтобы он всюду сколько-нибудь завершился. В начале, когда пролетарское движение идет почти бессознательно, почти стадно, — таковы всюду первые стадии рабочего движения, — то и товарищеская связь имеет такой характер, в котором легко прямо видеть эту массовую как бы стадность.

Так, наш русский пролетариат имеет за собой уже несколько десятков лет развития; но все же он находится на разных ступенях товарищеского сознания. Товарищеская связь неодинаково глубоко, неодинаково полно создается, неодинаково сильно чувствуется в разных его частях; и даже его передовые элементы нередко обнаруживали неполноту, смутность товарищеского сознания. Напомню эпизод из 1913 г., т. е. всего каких-нибудь шесть лет тому назад. В Петербурге пролетарии общими усилиями основа-

ли рабочую газету „Правда“. Они для нее нашли интеллигентов, руководителей, литераторов, но в действительности главная доля усилий, главная доля работы была выполнена, несомненно, рабочими: не только ими было сделано почти все в добывании средств и в технической организации, но и в литературной стороне дела они участвовали весьма значительно. И вот в этой „Правде“, в рабочем органе, который выражал уровень сознания передовых петербургских рабочих, приходилось читать вещи прямо чудовищные с точки зрения широкого, развитого сознания класса. Напр., приходилось прочесть статью, написанную товарищем-рабочим, в которой выражалось негодование по поводу того, что во время стачки рабочих известной фабрики, некоторые из этих рабочих поступали на другие, конкурирующие фабрики, на которых забастовки не было, что они отрывались от своего коллектива, ведущего стачку, и тем „изменяли“ ему. Таким образом представление здесь было такое: надо непременно держаться всем вместе, так сказать, толпой, стадом, не переходить на другие фабрики, и даже не переходить именно во время забастовки, когда это в высшей степени выгодно и полезно для забастовщиков. Ведь, очевидно, что если другие капиталисты, конкурирующие с данным предприятием, принимают к себе бастующих рабочих из него, то они ставят в трудное положение борющегося со стачкой предпринимателя, так как ему трудно потом набрать себе рабочие силы. В то же время забастовавшие рабочие, переходя на другую фабрику, не нуждаются сами в поддержке, и могут поддерживать своих остальных товарищей. Значит, с точки зрения развитого товарищества, это — наилучшее, что можно сделать, и что, к сожалению, редко удается, потому что капиталисты не лишены тоже классового сознания, и стараются не принимать стачечников. Но с точки зрения первобытного стадного чувства это не возможно: „Как же так, — все должны быть вместе!“ И пришлось товарищу Степанову писать статью, что в Европе рабочие пользуются этим переходом, что это выгодно для борьбы, что дело не в том, чтобы на одной фабрике держаться, а в том, чтобы пролетариат в целом поддерживал друг друга, и т. д.

Вот первая стадия товарищеского сознания. На более

высокой ступени это сознание общих интересов в борьбе развивается дальше, но первоначально тоже в пределах профессий, как когда то у подмастерий. Затем оно переходит эти пределы, становится широким, общеклассовым; и тогда оно становится также сознанием не только общности интересов в борьбе, но и общности жизни, общности творчества, становится культурным сознанием. Но даже и тогда оно вначале не переходит рамок государства, национальности. Его разъединяет особенно разнь языка. Люди хорошо понимают друг друга тогда, когда говорят на одном языке. Нередко и у нас, и в других странах наблюдалась и до сих пор еще наблюдается враждебность по отношению к пролетариям другой нации, другой расы, говорящей на чуждом языке. Вы знаете, как удавалось в России черной сотне возбуждать вражду у русских рабочих к еврейским; немалая была и у немецких рабочих вражда к русским, приходившим для работы в Германию. Там смотрели на них часто всецело как на конкурентов, сбивающих плату. В действительности это и есть; но тогда надо поднимать остальных чужеземцев до своего уровня, включать в свою организацию. А это не создавалось, этого не делалось. И сейчас американские рабочие требуют часто запрещения въезда в Америку японских, и особенно китайских рабочих, требуют оградительных мер против своих товарищей из других стран. Эти культурные рамки, рамки языка, национальности, государственности чрезвычайно медленно преодолеваются. Но и они преодолеваются с течением времени: сначала только самыми передовыми элементами, в Интернационале, затем все больше преодолеваются и массами. Но это—процесс долгий, и он еще далеко не закончен. Мировая война показала, насколько глубоки и сильны эти культурные рамки. Оказалось, что пролетарии одной страны могли с полным убеждением, с полной искренностью вести истребительную борьбу против пролетариев другой страны за одно со своими капиталистами, защищая, как они были глубоко убеждены, свое отечество, т. е., другими словами, нацию и язык. Внешняя культурная связь с чуждыми классами для них все еще была сильнее связи с пролетариями других стран. Мировая война обнаружила силу и прочность этих культурных рамок. Но вы-